

УДК 81-13

О ВРЕДЕ СТРУКТУРАЛИЗМА ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ ОБЩЕСТВА: ЯЗЫК КАК ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ НИША ЧЕЛОВЕКА

А.В. Кравченко

Показывается, что ряд негативных процессов, происходящих в современном обществе, напрямую обусловлен идеологией структурализма как официальной лингвистической доктрины, институционализированной в системе образования и препятствующей адекватному пониманию роли языка в жизни человека и общества как живых систем, существующих в особой экологической нише языковых взаимодействий. Обосновывается необходимость скорейшего отказа от лингвистической ортодоксии структурализма, грозящей обществу в уже обозримом будущем масштабными необратимыми последствиями.

Ключевые слова и фразы: *структурализм; кодовая модель; функциональная неграмотность; когнитивная ниша; живая система; экология языка*

ON HOW STRUCTURALISM HARMS THE WELL-BEING OF SOCIETY: LANGUAGE AS THE ECOLOGICAL NICHE OF HUMANS

A.V. Kravchenko

It is argued that a number of negative social phenomena observed today are directly caused by the ideology of structuralism as the official linguistic doctrine that has been educationally institutionalized. This prevents linguists from taking an adequate view of language and its role in the life of humans, both on the individual and societal levels, as living systems that exist in the unique ecological niche constituted by linguistic interactions. It is imperative that the linguistic orthodoxy of structuralism be denounced as something fraught with great irreversible consequences in the foreseeable future.

Keywords and phrases: *structuralism; code model; functional illiteracy; cognitive niche; living system; ecology of language.*

1. Затянувшаяся болезнь

В соответствии с формулой в паспорте научной специальности «10.02.19 Теория языка», размещенном на официальном сайте ВАК (<http://vak.ed.gov.ru>), содержание данной специальности «включает в себя основные разделы и методы современной лингвистической науки: от введения в специальность до поуровневого (сохранена оригинальная орфография – А.К.) рассмотрения внутренней структуры языка». Не может быть более убедительного свидетельства тому, что кризис традиционной лингвистики, в 20-м в. тяжело и надолго заболевшей структурализмом, затянулся. И хотя диагноз поставлен давно [Живов и Тимберлейк 1997], а возможный курс лечения, вроде бы, не вызывает сомнений в здравости своих оснований, больной принципиально не хочет попробовать прописанные ему лекарства, предпочитая оставаться в беспомощном состоянии в окружении уже давно привыкших к

этому состоянию близких. Как тут не вспомнить известные строки про дядю, который *«уважать себя заставил и лучше выдумать не мог. / ... / Но, боже мой, какая скука / С больным сидеть и день и ночь, / Не отходя ни шагу прочь! / Какое низкое коварство / Полуживого забавлять, / Ему подушки поправлять, / Печально подносить лекарство, / Вздыхать и думать про себя: / Когда же черт возьмет тебя!»* (А.С. Пушкин). Как метафора, эта картинка довольно точно описывает положение дел в официальной (институционализированной) лингвистике и отношение к ней многих представителей действительно современной мировой науки.

В человеческом обществе ситуации, подобные описанной Пушкиным, как правило, обусловлены существующей морально-этической проблемой, когда возникают сомнения относительно выбора возможного действия – как, например, в случае эвтаназии. Главным аргументом противников эвтаназии является довод о возможных злоупотреблениях при принятии решения, поскольку всякое подобное решение не может не быть субъективным, а жизнь человека бесценна. Это, несомненно, так – и именно поэтому вокруг эвтаназии столько горячих споров. Однако при этом в пылу полемики часто забывают, что каждый отдельный человек является частью живой системы более высокого уровня организации, а именно, человеческого сообщества, объединенного исторически и эволюционно сложившейся культурно-языковой практикой, и экзистенциальные приоритеты индивида могут и должны нормально соблюдаться лишь при условии, что они не наносят вреда соответствующим приоритетам общества, без и вне которого невозможно представить само существование индивида.

Я уже слышу вопрос от кого-то из родственников «больного»: «Но какой вред обществу от структуралистской парадигмы в науке о языке? Как может исследование языка как системно-структурного образования повлиять на функциональную адекватность общества, даже если его рассматривать как живую систему (хотя такое понимание общества еще не стало общепринятым)?» Прежде чем ответить на подобный вопрос, уместно привести некоторые исторические параллели и аналогии.

Во-первых, как известно, теоретическая мысль часто опережает практику повседневной жизни, и, если новая идея не влечет за собой мгновенных серьезных изменений в сложившихся жизненных устоях, она либо игнорируется, либо вызывает враждебное отношение со стороны сил, считающих себя ответственными за поддержание существующего порядка в общественном устройстве (например, Церковь, правящая партия и под.). Так, до определенного исторического момента ветхозаветная модель мира не мешала повседневной человеческой практике, но с приходом эпохи великих географических

открытый стало ясно, что она неадекватна и от нее надо отказаться, так как она вступает в прямое противоречие с накопленным эмпирическим опытом. Однако отказ этот на деле занял не одно столетие, так же как и гелиоцентрическая модель Коперника отнюдь не сразу вытеснила птолемееву модель. А мыслители, опережавшие свое время, зачастую подвергались преследованиям и гонениям – достаточно вспомнить Джордано Бруно или Галилея (я уж не говорю о «временах укромных, теперь почти былинных», когда генетика была «продажной девкой империализма» и имели место прочие курьезы, весьма небезобидные как для отдельных людей, так и для общества в целом). Сила традиции велика, и она нередко становилась (и продолжает оставаться) серьезным препятствием на пути прогресса (см. [Кравченко 2009]).

Во-вторых, уверовавший в свою исключительность как «венца творения» и ослепленный кажущимся всемогуществом, принесенным научно-технической революцией, человек противопоставил себя миру, бросив ему дерзкий вызов словами Ивана Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача». В результате получили Чернобыль, уничтожили Аральское море, много лет травили озеро Байкал (а это 20% мировых запасов поверхностных пресных вод) промышленными стоками, подорвали кормовую базу животноводства в Сибири, затопив рукотворными «морями» плодородные земли в поймах великих рек, и вызвали экологическую катастрофу в районах «поднятой» целины. Участились глобальные катастрофы и катаклизмы, и уже впору снимать отнюдь не фантастический фильм «Природа наносит ответный удар». И все это потому, что человек возомнил себя хозяином мира, вольным поступать с этим миром как ему заблагорассудится, напрочь забыв, что он – неотъемлемая его часть и все, что происходит в мире, так или иначе, рано или поздно сказывается на нем самом: в мире все со всем взаимосвязано [Имото 2009].

В-третьих, во всем, что касается его природы как биологического вида, равно как и собственного места и роли в окружающем мире, введенный в искушение картезианской философией рационализма человек продолжает руководствоваться таким аналогом птолемеевой модели мира, с единственным отличием: центром вселенной и точкой отсчета всего происходящего в человеческом мире является не столько сам человек, сколько возведенный в абсолют разум (*ratio*) – вспомним известное декартовское *Cogito, ergo sum*. Вот мы и подошли к истокам болезни, с которой начали наши рассуждения, и постановка точного диагноза даст нам возможность ответить на сформулированный выше (пусть и гипотетический) вопрос «близких» структурализму (и, соответственно, рационалистическому анализу) товарищей. Но для этого надо сначала определить главные симптомы заболевания.

2. Тревожные симптомы

Если нормальный человек занедужил, это значит, что он перестал чувствовать себя в состоянии адекватно взаимодействовать с окружающим миром (что является адаптивно-эволюционным условием его благополучия как живого организма) – и это всегда вызывает чувство беспокойства, потому что мы хорошо знаем: болезнь запускать нельзя, может стать только хуже. Но лингвистическое сообщество, приверженное идеям структурализма и уверовавшее в миф о том, что язык – это инструмент для передачи мыслей из одной головы в другую, признаков какой-то особой озабоченности не проявляет. И это понятно: ведь если язык – всего лишь инструмент, с помощью которого мы выражаем мысли, существующие вне и помимо языка, то он может быть уподоблен некоторому одеянию, которое мысль выбирает сообразно веяниям и трендам эпохи, но которое никак не определяет и не меняет самую сущность того, что скрыто под одеждой. Изучая разные стили и крои одежды, можно делать некоторые выводы о тех или иных предпочтениях общества в ту или иную эпоху, включая и определенные ценностные ориентиры; однако мода приходит и уходит, а человек остается тем, кто он есть, независимо от того, во что он одет, и не стоит зря беспокоиться. Такова, в общих чертах, философия структурализма, а также когнитивизма первого поколения. (Попутно следует отметить, что, если исходить из такого понимания роли языка в жизни человека, следует поставить жирный крест на когнитивной лингвистике как научном направлении, абсолютно не имеющем перспектив.)

И все-таки беспокоиться есть о чем. Несмотря на развитие компьютерных и телекоммуникационных технологий, ознаменовавших вступление человечества в так называемую информационную эпоху и призванных, как на то надеялись идеологи «большого информационного прорыва», способствовать усилению когнитивных возможностей и способностей человека и, соответственно, улучшению общего качества жизни, в обществе все сильнее стали проявляться тревожные процессы, наметившиеся в конце прошлого столетия и заставляющие говорить о нескольких взаимосвязанных проблемах. К числу наиболее заметных относятся постепенное и неуклонное снижение общего уровня грамотности в обществах с развитой письменной культурой, сопровождающееся ростом функциональной неграмотности (об этом чуть ниже), снижение общего уровня развития интеллекта среднестатистического выпускника общеобразовательной школы, масштабная и агрессивная языковая интервенция английского языка в культурно-языковую практику современного российского общества, а также катастрофа в системе образования вообще и

гуманитарного образования в частности, которая одновременно является и причиной, и следствием остальных проблем.

Растет число людей, в том числе с высшим образованием и занимающих ответственные посты в государственных и общественных структурах (сюда, к сожалению, все чаще входят дикторы радио и телевидения, причем как местного, так и федерального), не владеющих элементарными грамматическими нормами русского языка (см. начало статьи), а ведь грамматика – это когнитивно-семиотический механизм категоризации человеческого опыта взаимодействий с миром [Кравченко 2015а], на который опираются сменяющие друг друга поколения. Они не умеют склонять сложные числительные (ср. **свыше пятиста, *порядка девятьсот восьмидесяти*), правильно называть даты (**в двух тысяча первом году*), не владеют навыком употребления родительного меры и количества (**Хочешь молоко?* вместо *Хочешь молока?*), равно как и родительного отрицания (**не отрицая важный характер проблемы* вместо *не отрицая важного характера проблемы*) – и наоборот, употребляют родительный падеж там, где должен быть дательный (**согласно распоряжения правительства*) и т.д. и т.п. Как, например, нужно понимать фразу: «В ходе зачистки силами спецназа в Усть-Мартановском районе было уничтожено около пяти боевиков»? В русском языке выражение «около пяти» в обыденной ситуации означает либо «четыре», либо «шесть» – так почему бы так и не сказать? Но для этого надо знать, что в русском, как и во многих других языках, используется несколько систем счета: считать можно единицами в пределах десятка (например, *два, пять, восемь*), десятками (*более десяти, около двадцати, не менее пятидесяти*), сотнями, тысячами и т.д. В старину существовали такие меры счета, как *дюжина, сорок* – но каждый ли журналист или телеведущий скажет правильно, какое число соответствует выражению *сорок сороков?* (подробнее об образовательном парадоксе см. [Кравченко 2006а]).

Примеры такого рода можно приводить бесконечно – ограничусь еще одним, но крайне красноречивым. В последние годы в Министерстве образования идет кипучая деятельность по регулированию и «мониторингу» (!) всего, что происходит в школах и вузах, в том числе – по внедрению новых официальных формулировок в названиях и наименованиях типа следующих: **«федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования (ФГБОУ ВО)», «федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (ФГОС ВПО)»** и т.п. Если помнить (или знать?), что федерация – это федеративное государство как одна из форм государственного устройства, приведенные перлы – тавтологии, возведенные в квадрат. Тавтология во все времена была признаком либо нечетко

сформированной мысли, либо отсутствия понимания того, о чем идет речь – в духе известного афоризма Козьмы Пруткова: «Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы; но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий». Комментарии здесь, как говорится, излишни.

Одной из составных частей языкового мифа является вера в то, что письменный язык (культурный артефакт) служит для репрезентации естественного языка (натурфакта): графические знаки слов, состоящие из букв как элементов кода, устанавливающего соответствие между звуками речи и их графическими репрезентациями, в духе виталистических объяснений наделяются свойством кодового соответствия своим обозначаемым (звуковым) словам, которые всегда произносятся и воспринимаются в определенном месте в определенное время) и через них – обозначаемым уже самих звуковых слов. Именно поэтому традиционная лингвистика утверждает, что, изучая и анализируя тексты, она занимается изучением и анализом языка, что является **принципиальной ошибкой** (см. [Кравченко 2012а; 2015б]), лежащей в основе феномена функциональной неграмотности – неспособности индивида модифицировать свое языковое поведение с учетом ориентирующих взаимодействий с текстами (именно про таких людей говорится в известном «смотрит в книгу, а видит фигу»).

Основополагающим дидактическим принципом в подходе к образованию как процессу научения пользованию знаниями, накопленными человечеством в различных областях, продолжает оставаться кодовая модель языка. В соответствии с этой моделью овладение языком рассматривается как усвоение инвентаря языковых знаков, обладающих определенными значениями (якобы закрепленными за этими знаками и зафиксированными в словарях), и правилами их соединения в смысловые цепочки (грамматикой). Инвентаризация же эта осуществляется посредством графических репрезентаций (письма) как продукта использования особого знакового кода. Отсюда грамотность понимается как способность к осуществлению трехшаговой операции соотнесения и отождествления: 1) отдельная буква (знак графического кода) соотносится с акустическим образом (звукотипом), 2) определенная последовательность букв (графическое слово) соотносится с определенной последовательностью акустических образов (звуковым словом), 3) графическое слово отождествляется со звуковым словом. Подобное отождествление, как часть репрезентационистского заблуждения [Кравченко 2006б; 2007; 2016], приводит к тому, что тексты (бестелесные артефакты, существующие вне реального пространственно-временного контекста естественно-языковых взаимодействий) получают интерпретацию, характерную для живой, телесно воплощенной естественно-языковой деятельности, несмотря на то что

речь и письмо – экспериенциально различные когнитивные области [Kravchenko 2009a; Линелл 2013].

Каждый отдельный человек, говорящий на языке данного сообщества, является необходимым конституирующим компонентом общества: в языке и через язык индивид и общество взаимно детерминируют друг друга [Бенвенист 1966/1974]. Общение с помощью языка, создание когнитивной области языковых взаимодействий – необходимое условие формирования и развития как общества, так и личности, поэтому «первичная функция языка в отношении к обществу есть функция социообразующая» [Зубкова 2002: 452]. Однако в рамках социообразующей функции в целом следует различать две существенно различных области языковых взаимодействий: текстовое поле языка как область языковых взаимодействий онтологически вторично по отношению к естественно-языковой консенсуальной области на уровне индивида, но первично на уровне организации общества как когнитивной (живой) системы – именно потому, что индивид и общество детерминируют друг друга на культурно-исторической и эволюционной шкалах времени (см. [Rączaszek-Leonardi and Nomikou 2015]). Нормальное функционирование индивида в обществе с развитой письменной культурой, обеспечивающее нормальное функционирование самого общества, предполагает примат ориентирующих воздействий текстового поля над ориентирующими воздействиями естественно-языковых консенсуальных областей. Разная же феноменология текстового и звукового поля языка обуславливает разные системы интерпретации взаимодействий с ними, основанные на разных системах исходных координат. Таким образом, оптимальное функционирование индивида в обществе зависит от уровня сформированности его навыков интерпретации в этих системах координат. Несформированность навыков интерпретации ориентирующих взаимодействий с текстовым полем языка и навыка проецирования результатов такой интерпретации на консенсуальную область естественно-языковых взаимодействий как раз и лежит в основе явления функциональной неграмотности (подробнее о ее проявлениях см. [Кравченко 2003; Kravchenko 2009b]).

И, наконец, несколько слов об интервенции английского языка. Еще в начале 20 в. англицизмы составляли лишь 2,57% от всего словарного состава, однако к 2000-му году их число выросло до поразительной цифры в 25% [Володарская 2002], которая сейчас, несомненно, еще выше. Идет интенсивный процесс гибридизации русского языка с английским [Бойко 2012; 2014; Кравченко 2012; Кравченко и Бойко 2014], и как бы оптимистично ни были настроены лингвисты-ортодоксы – дескать, очередное поветрие, как пришло, так и уйдет – оснований для такого оптимизма нет. В историческом и

эволюционном масштабе языковая деятельность индивидов и общества, регулируемая определенными нормами и практиками, и **есть проявление культуры, способ и форма ее существования**. Приобщение к иной культуре, погружение в нее происходит через языковые нормы и практики, характерные для этой культуры – именно через них осуществляется ассимиляция иной системы ценностей, которая может вступать в конфликт с изначальной системой ценностей вплоть до полного вытеснения последней. Сегодня – возможно, с некоторой осторожностью – можно утверждать, что отказ от традиционной системы и принятие новой (англо-американской) системы ценностей российским обществом, причем не в целостном, а искаженном, зачастую неправильно понимаемом виде – практически свершившийся факт.

3. Диагноз

Перечисленные выше тревожные процессы, происходящие в современном обществе, проявляются в языке и через язык, и, если продолжать думать, что язык – это всего лишь «одежка» для мысли, волноваться следует, по большому счету, лишь по поводу того, насколько текущая «мода» соответствует нашим представлениям о том, как языку не пристало «одеваться». Этим и занимаются близкие нашего «больного», борясь за «культуру речи», «чистоту родного языка» и т.д. Однако не нужно быть профессиональным врачом, чтобы понимать: борьба с симптомами не излечивает болезни. Более того, даже при правильно поставленном диагнозе важно не упустить время при серьезном заболевании. Так, бич нашего времени, карцинома, поддается лечению на ранней стадии, но когда дело дошло до метастазов, бороться за жизнь больного поздно. Проблема в том, что, если специально не следить за состоянием своего здоровья, выявить начавшийся произвольный процесс деления клеток в каком-то органе почти невозможно. Знание того, что такое рак и к чему он может привести, заставляет людей принимать различные профилактические меры.

Но при чем тут язык? А при том, что если исходить из его «внешнего» характера по отношению к организму человека и общества как живых систем, то что бы с ним ни происходило не несет опасности для живой системы как таковой по определению. И это опаснейшее заблуждение, побороть которое очень сложно – но необходимо.

Тот факт, что наш биологический вид называется *homo sapiens*, подтверждает, казалось бы, что отличительной, уникальной чертой нашего вида является именно разумность как некое свойство, которого лишены другие живые существа. Самое парадоксальное здесь то, что в среде лингвистов (а также психологов, антропологов, социологов и прочих когнитологов) не принято задаваться простым вопросом: а чему

человек обязан этой уникальной способностью? Что есть у человека, чего нет ни у одного другого известного науке живого существа?

В рамках небольшой статьи невозможно дать развернутый ответ на этот вопрос, поэтому обобщим накопленное современной наукой знание в тезисной форме.

1. Разум и сознание не субстанциональны, они суть понятия (абстракции), с помощью которых мы, как наблюдатели, категоризируем в языке сложные поведенческие модели живых систем (включая, в первую очередь, языковое поведение), наделяя отдельные аспекты такого поведения значимостями как ценностными ориентирами, определяющими наши взаимно обусловленные экзистенциальные траектории. Реляционная область языковых взаимодействий в филогенезе берет на себя функцию «ленивого гена» (см. [Deacon 2009]), становясь необходимым условием существования и дальнейшего развития нашего вида, поскольку обеспечивает единство взаимодействий общества как живой системы. Эта область – тот эволюционный бульон, в котором зарождается и развивается разум, сознание и все остальное, что делает нас людьми. Язык – это динамическая деятельность, состоящая в непрерывной интеграции и согласовании происходящих в человеке когнитивных процессов [Schilhab 2015], и именно в этом смысле надо прочитывать новозаветное «В начале было Слово...».

2. Естественный язык (речь) – это социально обусловленная телесно воплощенная моторная деятельность организма, направленная на повышение адаптивной способности членов социума через совместную координацию их взаимодействий со средой и другими, возможную благодаря языковому семиозису (приписыванию значимостей компонентам среды). Разум, сознание, мышление и проч. как конструируемые нами сущности, возникающие из наших описаний наблюдаемого поведения себя и других, необходимы нам для упорядочивания мира через установление отношений причины и следствия между наблюдаемыми проявлениями мира вокруг нас.

3. Мозг контролирует и координирует все процессы, происходящие в организме при его взаимодействиях со средой, в том числе и порождение/восприятие речи как деятельности, однако в нем нет ни сущности под названием «сознание», ни сущности под названием «язык» – есть лишь нейронные процессы, запускаемые и протекающие в ходе взаимодействий организма со средой. Изучение речи или текстов как «объектов» неспособно в принципе приблизить нас к пониманию нейронных механизмов, лежащих в основании того, что мы называем разумным поведением. Если лингвист начинает делать далеко идущие выводы о мыслительных процессах, не имея при этом представления (хотя бы в общих чертах) о характере и динамике нейронных процессов (особенно в онтогенезе), он заведомо

становится на скользкий путь интеллектуальных спекуляций. Яркий пример этого – так называемые концептуальные исследования в отечественной разновидности когнитивной лингвистики (см. критику в [Кравченко 2011а; 2013]).

4. Уникальная когнитивная способность человека, отличающая его от всех остальных биологических видов (то, что мы называем разумностью), возникает в процессе развития компонентов системы (молодых особей) в полностью функциональных субъектов, способных к целеполаганию и проявлению воли. Хотя системное поведение человеческого общества в целом зависит от когнитивных способностей его компонентов, сами эти когнитивные способности возникают в области языка (отношений между компонентами) **как системного поведения человеческого общества**. Именно в этом проявляется экологический характер отношений между человеческим обществом и областью языковых взаимодействий как той нишей, в которой протекает взаимно обусловленный процесс формирования, с одной стороны, самой ниши, а с другой стороны, когнитивной структуры человеческого организма [Кравченко 2011б; 2014; Sinha 2015]. Не случайно М. Хайдеггер [Хайдеггер 1993] называл язык «домом бытия» человека.

Игнорирование экологического характера языка как реляционной области приводит к непониманию процессов, формирующих когницию на уровне как индивида, так и общества. Эти процессы влияют на когнитивную структуру человека и организацию общества как живой системы, определяя соответствующие системы ценностей и экзистенциальные траектории. Упомянутые выше тревожные процессы, происходящие в обществе, самым непосредственным образом связаны с непониманием сути феномена человека как языкового организма [Jennings and Thompson 2012] и уходят корнями в **системные нарушения реляционной области языка как экологической ниши человека**, без сохранения которой невозможно «сохранение языковой идентичности этноса и на этой основе нравственного здоровья общества и национальной безопасности государства» [Бернацкая 2014: 28].

4. Прямая и явная угроза

Как подчеркивает У. Матурана [1970: 4; 1996: 103], «[э]волюция живых систем – это эволюция ниш единств взаимодействий, определяемых самореферентной круговой организацией этих единств, следовательно, это эволюция когнитивных областей». Человеческое языковое сообщество как живая система существует, функционирует и эволюционирует только как единство языковых взаимодействий, образующих когнитивную нишу – область консенсуальных взаимодействий. Языковые взаимодействия как координации координаций поведения в консенсуальной области лежат в основе организации

человеческого сообщества, и именно они определяют его как единство с самореферентной круговой организацией: «ЯЗЫК ⇒ СРЕДА ⇒ ОПЫТ ⇒ ПОЗНАНИЕ ⇒ ЗНАНИЕ ⇒ ЯЗЫК» [Кравченко 2001: 36; 2003: 50].

Вместе с тем, наше восприятие, понимание и оценка себя и других как личностей – т.е. лиц, наделенных определенными наборами свойств и качеств – осуществляется через наблюдение и интерпретацию прежде всего языковых взаимодействий, которые мы соотносим со своим собственным опытом как результатом нашего индивидуального развития (как организма) в когнитивной нише данного языкового сообщества (т.е. в «доме нашего бытия»). И если в результате такого соотнесения и оценки мы приходим к выводу, что языковое поведение другого по большинству оцениваемых нами параметров совпадает с нашим собственным опытом языковых взаимодействий, мы склонны категоризировать его как «своего», т.е. принадлежащего нашей когнитивной нише, нашему «дому бытия». Если такого совпадения нет, наблюдаемый нами другой категоризируется как «чужой», со всеми вытекающими последствиями.

Соответственно, чтобы «чужому» войти в нашу когнитивную нишу и стать компонентом сообщества как живой системы, включившись в круговую организацию этой системы как единства взаимодействий, «чужой» должен начать показывать языковое поведение, координированное с языковым поведением других компонентов системы и тем самым направленное на поддержание единства языковых взаимодействий как условие сохранения целостности нашей когнитивной ниши. Благодаря этому он может из «чужого» превратиться в «своего» – метаморфоза, важное значение которой всегда понималось людьми, необязательно близкими к профессиональным лингвистическим кругам. Достаточно вспомнить «Пигмалион» Бернарда Шоу или системы языковой подготовки контрразведчиков в специальных школах. Пьеса Б. Шоу – талантливая иллюстрация того, что люди понимали всегда, хотя бы на интуитивном уровне: личность формируется в когнитивной нише языковых взаимодействий. Другими словами, язык делает человека тем, что он есть – человеком как уникальным видом живых существ со всеми теми личностными характеристиками, которые мы считаем важными. Неслучайно значение лат. *persōna* и гр. *πρόσωπον* связано с понятием «источник (продолжительного) звука» как критерием в делении предметов на говорящие и неговорящие [Кравченко 1996: 130]. Индейцы навахо, например, делят живых существ на две категории, исходя из того, наделены ли они речью [Леви-Строс 1994: 143], а во многих языках младенец обозначается местоимением среднего рода до тех пор, пока не заговорит, т.е., пока не станет человеком.

«Чужой», принятый за «своего», может либо ассимилироваться системой, став органическим компонентом в ее организации как единства взаимодействий (в случае с Элизой Дулиттл), либо, мимикрировав (в случае с вражеским резидентом), начать целенаправленную деятельность по разрушению этого единства, в ходе взаимодействий меняя их обычный для данной системы характер, что в конечном итоге может привести к нарушению единства взаимодействий и распаду системы. Именно поэтому в обществе существуют специальные институты, призванные выявлять и нейтрализовать мимикрировавших «чужих», не позволяя им нанести вред обществу через разрушение того единства взаимодействий в когнитивной нише, которое обеспечивает его целостность как системы (хотя используемые при этом основания не носят осознанно лингвистического характера).

Однако характер взаимодействий между компонентами системы может начать изменяться или нарушаться необязательно по вине «чужих». В силу различных обстоятельств отдельные компоненты сообщества как системы могут начать проявлять девиантность поведения в своей когнитивной нише взаимодействий, либо отказываясь от поддержания традиционного характера своих взаимодействий с другими в консенсуальной области, либо привнося в эту область чуждые ей элементы (например, элементы, характерные для другого языкового сообщества как единства взаимодействий). Это ведет к нарушению структуры реляционной области как системы координат, заданных традиционными ценностными ориентирами и, как следствие, к началу процесса распада единства взаимодействий в когнитивной нише данного языкового сообщества. При этом сам «виновник» может понятия не иметь о тех серьезных последствиях, к которым может привести его бездумная деятельность – как люди еще совсем недавно не задумывались о последствиях масштабного загрязнения водной и воздушной среды.

Сегодня каждый понимает, что дышать отравой и пить яд – значит подрывать свое здоровье и наносить этим вред обществу (что, мягко говоря, крайне неблагоразумно), и общество озабочено тем, чтобы сократить масштабы загрязнения окружающей среды: ведь чтобы жить и нормально функционировать, нам нужны чистый воздух, которым мы дышим, и чистая вода, из которой мы как живые организмы состоим на 70–80%. Но общество никак не может прийти к пониманию того, что язык, на котором говорят его члены (точнее, реляционная область языковых взаимодействий), имеет конкретную биосоциальную функцию, **ответственную за формирование и развитие человека разумного как на уровне отдельного организма, так и на уровне языкового сообщества.** А поскольку приход к такому пониманию не в последнюю очередь зависит от того, что говорят о роли и

функции языка лингвисты, представляющие официальную ортодоксальную науку – и в данном случае речь идет о структурализме – то приходится констатировать, что поддержание жизни в этом давно дышащем на ладан «дяде» представляет для общества **прямую и явную угрозу**, с которой надо что-то делать, пока не поздно. И начинать надо прямо сейчас, отказавшись от идеологии структурализма в школьном лингвистическом образовании [Kravchenko 2015] и начав серьезную работу над внятной государственной политикой в области языка [Кравченко 2011в]. Эти два вопроса должны определять повестку дня науки о языке на ближайшую и отдаленную перспективы.

Список литературы

- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 446 с.
- Бернацкая А.А. Лингвоэкология и «критика языка» // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. №2. С. 15–31. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Bernatskaya-A.A..pdf> (дата обращения: 01.03.2016)
- Бойко С.А. Англицизмы в современном русском языке: что и зачем заимствуется? // Известия ИГЭА. 2012. № 2. С. 232–235.
- Бойко С.А. Англицизмы в современном русском языке: лингвоэкологический аспект // Экология языка и коммуникативная практика. № 2. 2014. С. 32–43. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Boiko-S.A..pdf> (дата обращения: 01.03.2016)
- Володарская Е.Ф. Заимствования как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 102–104.
- Живов В., Тимберлейк А. Расставаясь со структурализмом// Вопросы языкознания. 1997. № 3. С. 3–14.
- Зубкова Л.Г. Общая теория языка в развитии. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2002. 472 с.
- Имото С. Ничто как наполненность: «Путь» Лао-цзы и «Субстрат» Матураны // А.В. Кравченко (ред.). Наука о языке в изменяющейся парадигме знания (Studia linguistica cognitiva. Вып. 2). Иркутск: Изд. БГУЭП, 2009. С. 87–99.
- Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд. Ирк. ун-та, 1996. 160 с.
- Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск: Иркутская обл. типография № 1, 2001. 261 с.
- Кравченко А.В. К определению понятия функциональной неграмотности // Лингвистические парадигмы и лингводидактика. Иркутск: ИГЭА, 2003. С. 7–17.
- Кравченко А.В. Языкознание и знание языка: об одном образовательном парадоксе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Вып. 8. Владикавказ: СОГУ им. К. Л. Хетагурова, 2006а. С. 402–407.
- Кравченко А.В. Является ли язык репрезентативной системой? // А. В. Кравченко (ред.). Язык и познание: методологические проблемы и перспективы (Studia linguistica cognitiva. Вып. 1). М.: Гнозис, 2006б. С. 135–156.
- Кравченко А.В. Репрезентационализм и биологическая теория познания // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний. М.: ИЯ РАН; ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. С. 37–47.

Кравченко А.В. О традициях, языкознании и когнитивном подходе // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 51–65.

Кравченко А.В. Что изучает концептология? // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал. Барнаул, 2011а. С. 248–251.

Кравченко А.В. Что такое “когнитивная структура”, или об одном распространенном заблуждении // Когнитивные исследования языка. Вып. 9: Взаимодействие когнитивных и языковых структур. М.: ИЯ РАН; ТГУ им. Г. Р. Державина, 2011б. С. 96–104.

Кравченко А.В. Экология языка и языковая политика // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Вып. 13. 2011в. Владикавказ: СОГУ им. К.Л. Хетагурова. С. 24–29.

Кравченко А.В. Системная ошибка языкознания как науки и ее последствия для лингвистического образования // Современные проблемы взаимодействия языков и культур. Ч. I. Благовещенск: Изд. АмГУ, 2012а. С. 161–168.

Кравченко А.В. Взаимодействие культур и гибридизация языка // К. Янашек, Й. Митурска-Бояновска, Р. Гаваркевич (ред.), HOMO COMMUNICANS: человек в пространстве межкультурных коммуникаций. Щецин: GRAFFORM, 2012б. С. 80–86.

Кравченко А.В. Концепт, концепта, концепту: модный дискурс на незадавленную тему // Записки з романо-германської філології. Вип. 1(30). Одеський національний університет імені І.І. Мечникова. Одеса: КП ОМД, 2013. С. 115–124.

Кравченко А.В. Два взгляда на экологию языка и экологическую лингвистику // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 90–99. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Kravchenko-A.V..pdf> (дата обращения: 01.03.2016)

Кравченко А.В. Грамматика в когнитивно-семиотическом аспекте // А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев (сост.). Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015а. С. 574–594.

Кравченко А.В. Является ли традиционный лингвистический анализ анализом языка? // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2015б. № 2. С. 54–62.

Кравченко А.В. Эпистемологическая ловушка языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016 (в печати).

Кравченко А.В. и Бойко С.А. Англолизация русского языка как экологический процесс // Вестник ПГЛУ. 2014. № 1. С. 31–37.

Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.

Линелл П. Два взгляда на природу языка: формальная лингвистика (с ее письменно-языковой предвзятостью) vs. диалогическая лингвистика // А.В. Кравченко (ред.). Когнитивная динамика в языковых взаимодействиях (Studia linguistica cognitiva. Вып. 3). М.: Флинта; Наука, 2013. С. 41–57.

Матурана У. Биология познания // В.В. Петров (сост.). Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1996. С. 95–142.

Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с.

Deacon T.W. Relaxed selection and the role of epigenesis in the evolution of language. In: M.S. Blumberg, J.H. Freeman and S. R. Robinson (eds.). Oxford handbook of developmental behavioral neuroscience. New York: Oxford University Press, 2009. P. 730–752.

Jennings R.E. and Thompson J.J.. The biological centrality of talk. In: A. V. Kravchenko (ed.), Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. P. 33–63.

Kravchenko, A.V. The experiential basis of speech and writing as different cognitive domains. Pragmatics & Cognition. 2009a. Vol. 17. № 3. P. 527–548.

Kravchenko, A.V. Speech, writing, and cognition: the rise of communicative dysfunction. In: W. Oleksy and P. Stalmaszczyk (eds.). Cognitive approaches to language and linguistic data.

Studies in honor of Barbara Lewandowska-Tomaszczyk. Frankfurt/Main: Peter Lang, 2009b. P. 225–240.

Kravchenko, A.V. Language as human ecology: a new agenda for linguistic education. *New Ideas in Psychology*. 2015. DOI: 10.1016/j.newideapsych.2015.05.02.

Rączaszek-Leonardi J. and Nomikou I. Beyond mechanistic interaction: value-based constraints on meaning in language. *Frontiers in Psychology*. 29 October 2015. doi: 10.3389/fpsyg.2015.01579.

Schilhab T. S.S. Words as cultivators of others minds. *Frontiers in Psychology*. 5 November 2015. doi: 10.3389/fpsyg.2015.01690.

Sinha C. Language and other artifacts: socio-cultural dynamics of niche construction. *Frontiers in Psychology*. 29 October 2015. doi: 10.3389/fpsyg.2015.01601.

References

Benveniste É. *Problèmes de linguistique générale*, Paris: Gallimard, 1966. 357 p.

Bernatskaya A.A. Lingvoékologiya i “kritika yazyka” [Language ecology and “critique of language”]. *EHkologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2014. №2. Pp. 15–31. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Bernatskaya-A.A..pdf> (accessed 01.03.2016)

Bojko S.A. Anglicizmy v sovremennom russkom yazyke: chto i zachem zaimstvuetsya? [Anglicisms in Modern Russian: what is borrowed and why?]. *Izvestiya IGÉA*. 2012. № 2. Pp. 232—235.

Bojko S.A. Anglicizmy v sovremennom russkom yazyke: lingvoékologicheskij aspekt [Anglicisms in Modern Russian: the lingua-ecological aspect]. *Ékologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. № 2. 2014. Pp. 32–43. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Bojko-S.A..pdf> (accessed 01.03.2016)

Volodarskaya E.F. Zaimstvovaniya kak otrazhenie russko-anglijskix kontaktov [Borrowings as a reflection of the Russian-English contacts]. *Voprosy yazykoznanija*. 2002. № 4. Pp. 102–104.

Zhivov V. and Timberlake A. Rasstavayas' so strukturalizmom [Saying “farewell” to structuralism]. *Voprosy yazykoznanija*. 1997. № 3. Pp. 3–14.

Zubkova L.G. Obshhaya teoriya yazyka v razvitii [A general theory of language in its development]. M.: Izd-vo Rossijskogo universiteta družby narodov, 2002. 472 p.

Imoto S. Nichto kak napolnennost': “Put” Lao-tszu i “Substrat” Maturany [Nothing as plenum: Lao-tsu’s Way and Maturana’s Substratum]. In: A.V. Kravchenko (ed.). *Nauka o yazyke v izmenyayushhejsya paradigme znaniya (Studia linguistica cognitiva. Vol. 2)*. Irkutsk: Izd. BГУÉP, 2009. Pp. 87–99.

Kravchenko A.V. Yazyk i vospriyatie: Kognitivnye aspekty yazykovoj kategorizacii [Language and perception: The cognitive aspects of linguistic categorization]. Irkutsk: Izd. Irk. un-ta, 1996. 160 p.

Kravchenko A.V. Sign, Meaning, Knowledge: An essay in the cognitive philosophy of language. Frankfurt/Main, etc.: Peter Lang Publ., 2003. 251 p.

Kravchenko A.V. K opredeleniyu ponyatiya funktsional'noj negramotnosti [Defining the notion of functional illiteracy]. *Lingvisticheskie paradigmy i lingvodidaktika: collection of papers*. Irkutsk: IGÉA Publ., 2003. Pp. 7–17.

Kravchenko A.V. Yazykoznanie i znanie yazyka: ob odnom obrazovatel'nom paradokse [Linguistics and the knowledge of language: on a certain educational paradox]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. Vol. 8*. Vladikavkaz: SOGU im. K. L. Xetagurova Publ., 2006a. Pp. 402–407.

Kravchenko A.V. Yavlyaetsya li yazyk reprezentativnoj sistemoy? [Is language a representational system?] In: A. V. Kravchenko (ed.). *Yazyk i poznanie: metodologicheskie problemy i perspektivy (Studia linguistica cognitiva. Vol. 1)*. M.: Gnozis Publ., 2006b. Pp. 135–156.

Kravchenko A.V. Representacionalizm i biologicheskaya teoriya poznaniya [Representationalism and the biology of cognition]. *Problemy predstavleniya (reprezentatsii) v yazyke. Tipy i formaty znaniy*: collection of papers. M.: IYa RAN; TGU im. G.R. Derzhavina Publ., 2007. Pp. 37–47.

Kravchenko A.V. O traditsiyax, yazykoznanii i kognitivnom podxode [On traditions, linguistics, and the cognitive approach]. *Gorizonty sovremennoj lingvistiki: Tradicii i novatorstvo*: collection of papers. M.: Yazyki slavyanskix kul'tur Publ., 2009. Pp. 51–65.

Kravchenko A.V. Chto izuchaet konceptologiya? [What is studied by conceptology?]. *Funktional'no-kognitivnyj analiz yazykovyx edinicz i ego aplikativnyj potencial*: conference proceedings. Barnaul, 2011a. Pp. 248–251.

Kravchenko A.V. Chto takoe “kognitivnaya struktura”, ili ob odnom rasprostranennom zabluzhdenii [What is “cognitive structure”, or, on a certain common fallacy]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vol. 9: Vzaimodejstvie kognitivnyx i yazykovyx struktur*: collection of papers. M.: IYa RAN; TGU im. G.R. Derzhavina Publ., 2011b. Pp. 96–104.

Kravchenko A.V. Ékologiya yazyka i yazykovaya politika [Ecology of language and language policy]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. Vol. 13*. 2011v. Vladikavkaz: SOGU im. K.L. Xetagurova Publ.. Pp. 24–29.

Kravchenko A.V. Sistemnaya oshibka yazykoznaniiya kak nauki i eyo posledstviya dlya lingvisticheskogo obrazovaniya [The systemic error of linguistics as a science and its effect on linguistic education]. *Sovremennye problemy vzaimodejstviya yazykov i kul'tur. Part. I*. Blagoveshensk: Izd. AmGU, 2012a. Pp. 161–168.

Kravchenko A.V. Vzaimodejstvie kul'tur i gibrizatsiya yazyka [Cross-cultural interaction and language hybridization]. In: K. Yanashek, J. Miturska-Bojanowska, R. Gavarkevich (eds.), *HOMO COMMUNICANS: chelovek v prostranstve mezhkul'turnyx kommunikacij*. Szczecin: GRAFFORM Publ., 2012b. Pp. 80–86.

Kravchenko A.V. Koncept, koncepta, konceptu: modnyj diskurs na nezadannuyu temu [Concept-Nom, concept-Gen, concept-Dat: fashionable discourse on an unspecified theme]. *Zapiski z romano-germans'koj filologii. Vip. 1(30)*. Odes'kij natsional'nij universitet imeni I. I. Mechnikova. Odesa: KP OMD Publ., 2013. Pp. 115–124.

Kravchenko A.V. Dva vzglyada na ékologiyu yazyka i ékologicheskuyu lingvistiku [Two views on language ecology and ecolinguistics]. *Ékologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2014. № 2. Pp. 90–99. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Kravchenko-A.V..pdf> (accessed 01.03.2016)

Kravchenko A.V. Grammatika v kognitivno-semioticheskom aspekte [A cognitive-semiotic view of grammar]. In: A.A. Kibrik, A.D. Koshelev (sost.). *Yazyk i mysl': sovremennaya kognitivnaya lingvistika*. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2015a. Pp. 574–594.

Kravchenko A.V. Yavlyaetsya li tradicionnyj lingvisticheskij analiz analizom yazyka? [Is traditional linguistic analysis an analysis of language?]. *Vestnik TvGU. Seriya: Filologiya*. 2015b. № 2. Pp. 54–62.

Kravchenko A.V. Épistemologicheskaya lovushka yazyka [The epistemological trap of language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2016 (in press).

Kravchenko A.V. and Bojko S.A. Anglotizatsiya russkogo yazyka kak ékologicheskij process [The Anglicization of Russian as an ecological process]. *Vestnik PGLU*. 2014. № 1. Pp. 31–37.

Levi-Stros K. Pervobytnoe myshlenie [The primeval thought]. M.: Respublika, 1994. 384 p.

Linell P. Dva vzglyada na prirodu yazyka: formal'naya lingvistika (s eyo pis'menno-yazykovoj predvzyatost'yu) vs. dialogicheskaya lingvistika [Two views on the nature of language: formal linguistics (with its written language bias) vs. dialogical linguistics]. In: A.V. Kravchenko (ed.). *Kognitivnaya dinamika v yazykovyx vzaimodejstviyax* (Studia linguistica cognitiva. Vol. 3). M.: Flinta; Nauka Publ., 2013. Pp. 41–57.

Maturana H. Biology of cognition. BCL Report # 9.0. University of Illinois, Urbana, 1970. 27 p.

Heidegger M. *Vremja i bytie* [Time and being]. M.: Respublika Publ., 1993. 447 p.

Deacon T.W. Relaxed selection and the role of epigenesis in the evolution of language. In: M.S. Blumberg, J.H. Freeman and S. R. Robinson (eds.). *Oxford handbook of developmental behavioral neuroscience*. New York: Oxford University Press, 2009. Pp. 730–752.

Jennings R.E. and Thompson J.J.. The biological centrality of talk. In: A.V. Kravchenko (ed.). *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. Pp. 33–63.

Kravchenko A.V. The experiential basis of speech and writing as different cognitive domains. *Pragmatics & Cognition*. 2009a. Vol. 17. № 3. Pp. 527–548.

Kravchenko A.V. Speech, writing, and cognition: the rise of communicative dysfunction. In: W. Oleksy and P. Stalmaszczyk (eds.). *Cognitive approaches to language and linguistic data*. Studies in honor of Barbara Lewandowska-Tomaszczyk. Frankfurt/Main: Peter Lang, 2009b. Pp. 225–240.

Kravchenko A.V. Language as human ecology: a new agenda for linguistic education. *New Ideas in Psychology*. 2015. DOI: 10.1016/j.newideapsych.2015.05.02.

Rączaszek-Leonardi J. and Nomikou I. Beyond mechanistic interaction: value-based constraints on meaning in language. *Frontiers in Psychology*. 29 October 2015. doi: 10.3389/fpsyg.2015.01579.

Schilhab T. S.S. Words as cultivators of others minds. *Frontiers in Psychology*. 5 November 2015. doi: 10.3389/fpsyg.2015.01690.

Sinha C. Language and other artifacts: socio-cultural dynamics of niche construction. *Frontiers in Psychology*. 29 October 2015. doi: 10.3389/fpsyg.2015.01601.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Кравченко Александр Владимирович, доктор филологических наук, Заслуженный профессор БГУ, зав. кафедрой иностранных языков Байкальского государственного университета

Байкальский государственный университет

Россия, 664003, Иркутск, ул. Ленина, 11

E-mail: sashakr@hotmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Kravchenko Alexander Vladimirovich, Doctor habilis (Linguistics), Distinguished Professor, Chair, Department of Foreign Languages of Baikal State University

Baikal State University

11 Lenin St., Irkutsk 664003 Russia

E-mail: sashakr@hotmail.com